

INSPIRIA

КРИСТОФФЕР ХОЛЬСТ

УБИЙСТВО
У СИНЕГО
МОРЯ

INSPIRIA

Ток. Хюгге-детектив

Кристоффер Хольст

Убийство у синего моря

«ЭКСМО»

2019

УДК 811.113.6-312.4

ББК 84(4Шве)-44

Хольст К.

Убийство у синего моря / К. Хольст — «Эксмо», 2019 — (Ток. Хюгге-детектив)

ISBN 978-5-04-172976-9

УЮТНАЯ И ДУШЕВНАЯ ИСТОРИЯ ОБ УБИЙСТВАХ. Знакомьтесь: Силла Сорм. Слегка за тридцать, не замужем. Работает криминальным репортером для подкаста «Кровавый след». Живет в Стокгольме у своих лучших друзей, любит выпить вина и старается наладить отношения с очаровательным полицейским Адамом. В один из осенних дней Силла получает задание: выяснить, что случилось со светской львицей, бесследно исчезнувшей тридцать лет назад, и расследование приводит ее на хорошо знакомый остров Буллхольмен. В то же время известная шведская актриса Элла Свенссон возвращается в Северную Ирландию, чтобы позаботиться о доме своих родителей. Что может связывать этих двух незнакомок? Пути Силлы и Эллы пересекутся на холодном и ветреном Буллхольмене, где всегда кипит жизнь. В день свадьбы влиятельных людей умирает их гостья, и Силле придется расследовать не одно, а сразу несколько дел. Темное прошлое этого острова рано или поздно окажется раскрыто... Идеальное сочетание детектива, романтики и юмора. Мастерское погружение в атмосферу ненастной и северной осени, и, конечно же, непростое дело, которое предстоит раскрыть главной героине. «Впечатляющая, уютная и забавная книга». — Romance in Swedish «Кристоффер Хольст умеет так правдоподобно и интересно изображать своих персонажей и так живо рисовать окружающую реальность, что читателю кажется, будто он сам присутствует в истории. "Убийство у синего моря" — сплошное наслаждение!» — Oliviasdeckarhylla «Рецепт хорошего настроения». — BARNBOKSBLOGGEN

УДК 811.113.6-312.4

ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-04-172976-9

© Хольст К., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог	7
Глава первая	9
Глава вторая	14
Глава третья	17
Глава четвертая	21
Глава пятая	25
Глава шестая	28
Глава седьмая	32
Глава восьмая	36
Глава девятая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Кристоффер Хольст

Убийство у синего моря

Christoffer Holst

Blå, blå höstvägor

Copyright © Christoffer Holst 2019 Enligt avtal med Enberg Agency

© Савина Е., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Пролог

Стокгольм, октябрь 1988

Улица Кунгсгатан светится во мраке красным и зеленым. Пронзительно-яркие огни светофоров отражаются в темных потоках дождя, струящихся по перекрестку на Свеавэген дальше вниз, туда, где кипит ночная жизнь Стуреплана. Вечер, почти девять часов, и промозглый холод пробирается под осенние пальто и куртки стокгольмцев, заставляя их зябко ежиться.

Дождь льет не прекращаясь уже целую неделю. Все ждут, что зима прогонит осень, что пойдет снег и укроет пушистым ковром стокгольмские улицы. Но зима не торопится, и сырость стала постоянным спутником прохожих, таким же настырным, как и облачка пара, которые выдыхают пешеходы.

Лайла Дамм осторожно поднимается по лестнице подземного перехода станции метро «Хёторге». Скользко, и ей не хочется навернуться и упасть. Но и сидеть дома и помирать от скуки только потому, что она находится на последнем месяце беременности, Лайла тоже не собирается. Это не в ее стиле. Отнюдь. Она всегда жила на полную катушку и теперь тоже не собирается ничего менять только потому, что ждет ребенка.

Выбравшись на поверхность, Лайла сворачивает налево, в сторону Стуреплана и, раскрыв зонт с леопардовым принтом, принимается бодро шагать мимо темных витрин магазинов, мурлыча себе под нос песенку Лауры Браниган.

Сестра говорит, что она сумасшедшая, раз до сих пор, на девятом месяце, разгуливает на высоких каблуках. Но в этом вся Лайла.

I live among the creatures of the night. I haven't got the will to try and fight¹.

Она идет все дальше и дальше по Кунгсгатан, одной из самых известных улиц в стране. Здесь, запуская в воздух конфетти и крича от радости, праздновали в 1945 году окончание Второй мировой войны. Здесь открылся первый в Швеции ресторан «Макдоналдс». И именно здесь Джон Леннон купил однажды свое знаменитое кепи. Каждый сделанный ею шаг – словно еще одна перевернутая страница истории.

You take my self, you take my self control. You take my self, you take my self control.

Мельком взглянув на часы, Лайла понимает, что слегка припозднилась, но это не страшно. Ее подруги привыкли, что она постоянно опаздывает.

Вначале она действительно собиралась пересечь на красную линию метро, чтобы сразу выйти на Остермальмской площади, а оттуда рукой подать до «Риша».

Но ей необходима прогулка. Пожалуй, будет даже полезно немного отодвинуть встречу с подругами, чтобы на несколько минут дольше побыть наедине со своими мыслями.

А то в последнее время столько всего навалилось. Сплошные ссоры, обидные слова и холод...

Но плевать на все. Плевать на дрызги и на боль. Сегодня вечером она имеет право жить как хочет. Общаться со своими лучшими подругами. Смеяться, сплетничать, нести всякий вздор и, быть может, даже пригубить шампанского. Вот только она не рассчитывала, что будет настолько сыро.

Небеса разверзлись, и дождевые потоки шквалом обрушились на улицы, словно где-то наверху до упора выкрутили кран. Тучи лоскутным одеялом накрыли город.

Лайла уже почти добралась до Стуреплана. На пешеходном перекрестке на Норрландсгатан горит красный человечек, и она терпеливо ждет зеленого сигнала светофора, стоя под

¹ Я живу среди созданий ночи. У меня нет желания сражаться и бороться (англ.).

большим зонтом. Сквозь леопардовые разводы можно даже различить, как темные тучи ползут по небу.

Позже даже эта часть Кунгсгатаан станет знаменитой.

Но сейчас об этом еще никто не догадывается. И прежде всего сама Лайла.

Что не удивительно.

Однако перекресток на пересечении Кунгсгатаан и Норрландсгатаан станет последним местом, которое ей доведется увидеть в этой жизни.

Последним.

Глава первая

Стокгольм, октябрь 2018

– Закке! Арету Франклин стошнило прямо на мои бумаги!

Едва эти слова срываются с моего языка, как я понимаю, до чего нелепо они звучат, и страдальчески закатываю глаза. Крохотный лохматый песик, округлив глаза, смотрит на меня с ковра гостиной. Закке высовывает голову из кухни.

– Звучит как отговорка, – фыркает он.

– Чего?

– Чтобы не работать. *Учитель, пес сжевал мое домашнее задание!*

– Но она в самом деле его сжевала! Точнее, облевала.

– Прости. Ты же знаешь, какой у нее слабый желудок.

Я насупилась и наткнулась на виноватый взгляд Ареты Франклин. Ну и что с того, у меня тоже иногда бывают проблемы с желудком, но чужие вещи я пачкаю редко. А если такое все же случается, то приношу извинения. Не то что Арета, которая с гордым видом восседает на ковре с поблескивающей лужицей рвоты перед ней. Выражение ее морды говорит: *Извини, но это мой стиль. Меня может стошнить на все что угодно. Привыкай.*

Кстати, нет ничего удивительного в том, что у нее проблемы с желудком, если учесть, что она регулярно глотает пробки от бутылок и камни. Нам явно попался экземпляр, который плевать хотел на то, что пишут в умных книгах о микрофлоре кишечника, которые мы штудирем в последнее время.

– Ничему твою собаку жизнь не учит, – ворчу я.

– А кого она учит? – резонно возражает Закке.

Он бросает мне рулон туалетной бумаги, и я ловлю его на лету. А потом мой приятель снова исчезает в кухне. Я отрываю небольшой кусок и пытаюсь вытереть со стопки моих бумаг комок рвоты (да, это действительно *комок* – представьте себе крем-брюле без карамельного слоя снизу). Статья об Элизабет Шорт, которую я только что написала, размокла от сырости. *Вот блин.*

Я сердито чешу за ухом этого раздражающего, но – ах! – такого милого песика, встаю и иду на кухню. Протискиваюсь мимо Закке и демонстративно швыряю измазанную рвотой бумагу в мусорное ведро перед ним. После чего, громко вздыхая, принимаюсь мыть руки под краном.

– На помощь! – немедленно реагирует он. – Кто-то сегодня явно встал не с той ноги.

– Знаю. Прости.

– Плохо спалось?

– Да нет. Просто немного нервничаю. Сегодня вечером крайний срок сдачи материала.

– Понимаю. Я могу тебе чем-нибудь помочь?

– Нет, но вот *Арета* точно может. В том смысле, что для нее не составит никаких проблем нагадить на мою работу.

– Это всегда пожалуйста, но, к сожалению, она настолько глупая псина, что больше ничего не может предложить взамен. Разве что любовь.

– Каков хозяин, таков и пес.

– Поосторожнее.

Закке улыбается, и я не могу удержаться от того, чтобы не ухмыльнуться ему в ответ. Я быстренько обнимаю его – он стоит у плиты и помешивает что-то в своих кастрюльках. Заглянув в одну из них, я вижу нечто, по цвету напоминающее солнечный закат в тропиках.

– Что это ты такое готовишь? – интересуюсь я.

- Блюдо индийской кухни! Панир корма называется.
 - Боже, как вкусно пахнет. Что я такого сделала, что заслужила тебя, а, Закке?
 - Понятия не имею. Может, это произошло еще в твоей прошлой жизни?
- Я вопросительно поднимаю брови.
- Что, например?
 - Может, раньше ты была ведьмой? – лукаво улыбается Закке.
 - Тогда это объясняет мое неумение плавать. Ну что, скоро будет готово?
 - Не раньше чем через час. Так что ты еще успеешь немного поработать. Ну все, давай проваливай!

И, окутанная облаком волшебных ароматов, я покидаю кухню и снова отправляюсь в гостиную. Я обожаю гостиную Закке и Юнатана. В основном за то, что в ней отсутствуют углы – этакий гигантский круг в самом центре квартиры. Пол устлан персидскими коврами, стены с ярко-желтыми, цвета солнца, обоями увешаны фотографиями и картинами в жизнерадостных тонах. Большие окна выходят на площадь Мариаторгет. Октябрь. Совсем скоро облетит оранжевая листва, и деревья станут совсем голыми. Сейчас почти восемь часов вечера. Я это знаю, потому что в гостиной негромко работает телевизор, по которому показывают *«В половине восьмого у меня»*. Я фыркаю при виде нелепо разодетой женщины, которая украшает картофельные оладьи носиками из пармской ветчины и глазками из оливок. Господи, какое счастье, что мы, люди, такие разные. Как же было бы грустно, будь все иначе.

Ну что ж, возвращаемся к работе.

Я сажусь за обеденный стол и включаю ноутбук. Долго таращусь на текст, который по большей части уже готов, но все же чего-то ему не хватает. Как свежеиспеченному торту взбитых сливок, без которых и торт не торт. Но чего именно не хватает?

Подписи автора, чуть иронично думаю я. В наше время авторы уже не подписываются под своими творениями как раньше. Во всяком случае, на моей нынешней работе. Никого не интересует, кто кропает статьи. Так что это мне ничего не даст. Но я все же набираю свое имя под текстом, чтобы хоть что-то сделать.

Силла Сторм, криминальный репортер.

Да, вот ведь какая штука. Еще полгода назад я была репортером скандальной хроники и работала в «Шансе», газетенке, которая в основном интересуется тем, сколько сигарет выкурила на вечеринке принцесса Мадлен, какие очередные глупости написала в своем Твиттере Кикки Даниельссон и почему на чердаке у Агнеты Шьёдин завелись привидения. С последним обычно разбирается Йорген, усатое украшение редакции газеты.

Все эти годы меня вполне устраивала работа в «Шансе», но, сказать по правде, в глубине души я мечтала о другом. И когда Данне, мой бывший парень, бросил меня – в общем, в тот момент со мной что-то случилось.

На самом деле это длинная история, и чтобы сделать ее покороче, скажу сразу – я купила себе садовый участок в Стокгольмских шхерах, а если поточнее, то на крохотном идиллическом островке Буллхольмен. Отправилась туда прошлым летом, чтобы начать все сначала. Пережить расставание с Данне, научиться выращивать овощи и в каком-то отношении заново открыть для себя смысл жизни. Научиться справляться со всем самостоятельно. Но вот к чему я точно не была готова, так это к тому, что окажусь в самом эпицентре таинственного убийства, которое смешало все мои планы на лето.

Теперь-то мне кажется, что все это было очень давно, хотя с тех пор минуло всего несколько месяцев. В конце августа лето, прихватив с собой жару, бабочкой упорхнуло с Балтийского моря, а мне пришла пора возвращаться обратно на сушу.

Возврат к будням имел как свои плюсы, так и свои минусы.

Минус: мою крохотную съемную квартирку на Бастугатан залило водой. Кухня превратилась в один сплошной бассейн в отвратительном далласском стиле, что вынудило меня немед-

ленно снова упаковать свои вещички и отправиться на квартиру к Закке и Юнатану, которая, по счастью, находится всего в нескольких сотнях метров от моей.

Скоро уже два месяца как я живу у них, а рабочие до сих пор никак не отремонтируют мою квартиру, а заодно и квартиру подо мной, которая тоже пострадала.

Плюс: я вернулась в большой город с новой работой!

Да, поначалу мне самой в это не верилось. После кровавых летних недель на Буллхольмене во мне что-то такое пробудилось. Я всю жизнь считала себя довольно пугливым человеком. Который боится всего на свете. Любопытным, да, но чаще всего сидящим в кустах. Но летнее убийство на Буллхольмене изменило меня. Потому что мне впервые пришлось действовать, вместо привычных «убежать и спрятаться». Вот тогда-то я и решила уволиться из «Шанса» и подыскать себе новую работу.

Мне хотелось и дальше использовать свое непомерное любопытство для написания статей, но пришло время оставить позади привидения Агнеты Шьёдин и Калле Мореуса.

В общем, я решила податься в криминальные репортеры. Я написала в разделы криминальной хроники вечерних газет, но получила отказ. Написала на телевидение, радио и в местные издания, но там мне тоже отказали. Ничего удивительного, если учесть, как трудно в наши дни пробиться пишущей братии на журналистском поприще. Это же просто джунгли какие-то.

Выручила Роза, моя новая соседка по садовому участку на Буллхольмене. Она посоветовала мне отправить резюме на адрес подкаста «Кровавый след», который сама она слушает затаив дыхание. Подкаст об убийствах, раскрытых и нераскрытых, как в Швеции, так и за рубежом. Захватывающие истории о зле, которое подстерегает нас в реальной жизни.

Вот уж никогда не думала, что буду стремиться попасть на подкаст. Честно говоря, вообще не верилось, что на подобной работе можно что-то заработать. Но оказывается, можно. Аудитория «Кровавого следа» составляет триста тысяч слушателей в неделю. И кто-то должен писать сценарии для эфира. В общем, я наткнулась в Фейсбуке на объявление о приеме на работу – и получила ее!

Так что с подписью автора или без оной, но на сегодняшний день я являюсь криминальным репортером. С этой мыслью я, довольная, плюхаюсь на диван и снова ловлю взгляд Ареты. Теперь, облегчив желудок, она выглядит необычайно оживленной, сидя на одном из многочисленных ковров в гостиной. Я весело подмигиваю ей.

Порой жизнь принимает довольно неожиданный поворот, не правда ли?

* * *

Спустя несколько часов от вкуснейшей панир кормы остались только грязные тарелки на телевизионном столике.

Закке уснул на дальнем конце дивана, обхватив руками круглый живот. Я же наконец отправила окончательную версию сценария для следующего выпуска «Кровавого следа». Он будет называться «Черный георгин – дело Элизабет Шорт», и мне приятно, что я в конце концов закончила свою работу. У Софи и Йенни, руководительниц и ведущих подкаста, есть выходные, чтобы прочесть сценарий, прежде чем в понедельник пустить его в эфир.

Честно говоря, дело Элизабет Шорт одно из самых жутких дел, о которых мне доводилось писать, не говоря уже о том, что это самое обсуждаемое убийство в Америке на сегодняшний день. При этом само преступление до сих пор не раскрыто.

Официантка и актриса Голливуда, красавица с темными вьющимися волосами и большими планами на жизнь, Элизабет Шорт в конце сороковых годов была найдена посреди бела дня мертвой. Ее обнаружила женщина, вышедшая на прогулку со своей маленькой дочкой. Шорт лежала абсолютно нагая на зеленом газоне, и ее кожа была настолько бледной, что женщина поначалу приняла человеческий труп за манекен. Некто разрезал тело актрисы пополам

по линии талии и искажил ее лицо в так называемой «Улыбке Глазго» – уголки рта были растянуты до ушей, являя миру кошмарный кровавый оскал, занимавший собой почти все лицо.

Да уж, этих фактов достаточно, чтобы по ночам тебя начали мучить кошмары. Но хуже всего, что полиция так и не сумела найти того, кто это сделал. Уже почти восемьдесят лет прошло, но никто до сих пор так и не знает, кто лишил жизни Элизабет Шорт.

В последние месяцы мне часто приходилось задумываться о том, каково приходится близким жертвы, когда дело остается нераскрытым. Убийство – это всегда трагедия, ужасная трагедия. Но что происходит, когда правосудию не дано свершиться? Когда виновным так и не суждено предстать перед законом? Смогут ли в таком случае родственники когда-нибудь начать оплакивать своих погибших?

* * *

– Спишь?

Я вздрогнула в своем углу дивана и увидела Юнатана, присевшего на корточки рядом с Аретой Франклин.

– Что? Нет. Так, вздремнула малость.

– А то получается, что мы занимаем твою постель. – И Юнатан похлопал по обивке дивана.

– Да нет, все нормально.

– Уверена? А то могу спровадить его в спальню.

И он кивнул на Закке, который уже начал легонько похрапывать.

– Да, уверена. И вообще, мне страшно нравится, что я могу у вас жить.

– Просто если мы тебе мешаем, то ты можешь в любой момент выпроводить нас из гостиной. В принципе здесь только я ловлю кайф от этого.

И он кивком указал на телевизор, по которому показывали «Ночь в замке» – сериал, в котором четыре знаменитости приезжают в разрушенный замок и, оставшись в нем на ночь, бродят по темным коридорам и галереям с зажженными стеариновыми свечками. Я захихикала.

И в этот момент звякнул мой мобильный. Я взяла его в руки и прочла полученное сообщение. Но стоило мне отвести взгляд от экрана, как я заметила, что Юнатан искоса поглядывает на меня. Я рассмеялась.

– Чего тебе?

– Это он?

– Кто?

– Ты знаешь, о ком я.

– Ясир Арафат? Уж теперь-то он вряд ли даст о себе знать.

Юнатан показал мне язык.

– Я говорю о том красавчике-полицейском. Во всяком случае, так называет его Закке.

– С чего ты решил, что это он?

– Потому что ты лучишься, как при аварии на ядерном реакторе.

Я улыбаюсь и протягиваю руку, чтобы потрепать Арету Франклин по головке. Ловлю умильный взгляд крохотных глазок и мысленно сообщаю малышке, что простила ее за сегодняшнюю рвоту.

– Возможно...

– И когда теперь вы собираетесь встретиться?

– Мы встречаемся завтра. Сходим в кино и перекусим.

– Шутишь?

Я покачала головой.

– Вау! Хочешь сказать, что у тебя наконец-то намечается *самое настоящее свидание* с мистером констеблем? Отличная работа, Силла!

– Ну, бывает порой...

Юнатан рассмеялся и подлил немного горячего чая в мою украшенную розами кружку. Мы еще немножко посидели с ним на диване, после чего он отправился на вечернюю прогулку с Аретой, а потом оттащил своего парня в спальню.

Я застелила диван, который временно заменяет мне постель, и погасила все крохотные светильники в круглой гостиной. Комната тотчас же наполнилась мутным светом уличных фонарей на Хорнsgатан. Осень в самом разгаре. Пестрая листва деревьев, капли дождя, скользящие по стеклу. В сущности, довольно мило.

Я поплотнее закуталась в воздушное одеяло (разумеется, Закке и Юнатану удалось добыть тот самый тип гостиничных одеял, которым мне самой никогда не удастся обзавестись – размером с брезент, а весит едва ли больше пяти граммов и словно бы *парит* над телом).

Засыпая, я ощущала приятное чувство удовлетворения от того, что кровавая трагедия Элизабет Шорт осталась позади и теперь я могу сосредоточиться на чем-нибудь другом. Например, на сообщении в мобильном, а значит – на *нем*.

На Адаме Онгстрёме.

Глава вторая

Портраш, Северная Ирландия, неделю спустя

На побережье Северной Ирландии расположен маленький городок Портраш. По сути, он ничем не отличается от большинства британских прибрежных городов: пара тысяч жителей, один-два рестораника, куча пабов, гавань с пирсом и парк аттракционов. Из тех, что строят для туристов или скорее для их детей-сладкоежек. Несколько музыкальных автоматов, шаткие «американские горки» и киоск с попкорном. За парком аттракционов вдоль всего городка протянулся песчаный пляж. Мимо ларьков, торгующих рыбой с жареной картошкой, и рестораников с их креветочно-крабовым меню.

Элла прислоняется лбом к прохладному стеклу.

По железной крыше машины барабнят капли дождя. Типичная погода для октября. Или, точнее, для Северной Ирландии. Впрочем, сама Элла никогда здесь не жила. Несколько раз ей доводилось бывать в Лондоне – дальше этого ее познания о Великобритании не заходили. Северная Ирландия оставалась для нее неизведанной землей. До сегодняшнего дня.

Она поворачивает голову и смотрит на сидящего за рулем Патрика. Тот замечает ее взгляд.

– Ну и как тебе? – спрашивает он.

– В смысле, что я здесь?

– Угу.

– Немного... странно, пожалуй. Как тебе поездки на машине, приносившиеся?

Патрик кивает. Вообще-то у себя дома в Швеции Элле нравилось водить машину. Иногда возникала даже мысль переселиться куда-нибудь на окраину Стокгольма, чтобы вождение стало частью повседневной рутины. Но рулить здесь, по петляющим прибрежным дорогам с левосторонним движением у нее точно не было никакого желания. И уж подавно не в том состоянии, в котором она пребывала сейчас. Элла слишком устала и не может полагаться на саму себя – а вдруг она возьмет да и уснет за рулем?

– Судя по навигатору, мы будем на месте через несколько минут, – сообщает Патрик.

– Хорошо.

Они сворачивают на следующую дорогу, и темное море пропадает из виду, скрывшись за серыми постройками из кирпича. Они въезжают на главную улицу Портраша, которую не назовешь слишком большой, и катят мимо «The Daggers Inn», «The Horse» и «The Gentlemen»². Слегка абсурдные названия дают Элле повод предположить, что этим пабам уже довольно много лет.

Вскоре машина сворачивает на новую дорогу и почти сразу же останавливается.

Элла чувствует, как в ее животе порхают бабочки. Или, скорее, не порхают, а ползают. И не бабочки, а всякие прыгающие и копошащиеся твари, вроде червяков, личинок насекомых и кузнечиков. О боже, ее сейчас стошнит. *Только не здесь. Только не так.*

– А мы... эээ...

Патрик кивает:

– Да, дорогая. Мы на месте.

² «Кинжалы», «Лошадь», «Джентльмены» (англ.).

* * *

Две недели назад мать Эллы скончалась в одной из больниц в пригороде Стокгольма.

Последние годы своей жизни мама Карин хотела провести на родине в Швеции. Почему – она так и не объяснила. Сама Элла надеялась, что мама просто захотела быть ближе к детям, когда поняла, что ее тело разъедает рак. Что одиночество наконец-то настигло ее. И вынудило вернуться домой.

Но несмотря на то что Элла знала: ее матери недолго осталось жить на этом свете, ее кончина в конце сентября все равно стала для нее почти что шоком. Едва ей позвонили, Элла тут же бросилась в больницу, и пусть мама была уже мертва, когда они с Патриком вошли в палату, ей все равно захотелось в последний раз увидеть ее. Элла присела на стул рядом с больничной койкой и какое-то время держала мамину холодную мертвую руку в своей, а после поцеловала в щеку. Молча попрощалась с ней.

Теперь мама Карин лежит в земле рядом с папой Роджером, которого не стало несколько лет назад. Всю свою жизнь они были вместе, и теперь, воссоединившись после смерти, родители обязательно обретут покой.

А сама Элла теперь здесь. Стоит у парадного входа дома в Портраше. Именно сюда переехали ее родители десять лет назад, когда мама захотела вернуться обратно к своим ирландским корням.

Узкий, выкрашенный в абрикосовый цвет особняк в три этажа на берегу моря. Когда они открывают скрипучую дверь и входят внутрь, их взгляду предстает внутренняя обстановка дома. Усталая темно-красным ковром лестница спиралью поднимается на верхний этаж. Когда они зажигают в прихожей свет, то становится видно, как в спертом воздухе танцуют пылинки. Здесь внутри пахнет старичьем, думает Элла. А еще эти вещи. Они *повсюду*.

– Охренеть! – восклицает Патрик.

– Да, – отвечает Элла. – Узнаю мою мамочку.

– Уборка точно не входила в список ее увлечений, я прав?

Элла качает головой:

– Да уж.

– Ну хоть в чем-то мы с ней похожи.

Элла закатывает глаза. Патрик разражается смехом, после чего обнимает сзади свою жену и, вдохнув аромат ее длинных волос, нежно целует в шею.

– Чтобы здесь прибраться, потребуется чертова куча времени, – замечает Элла.

– Тогда тебе повезло, что у тебя есть я, – улыбается Патрик.

* * *

Несмотря на то что снаружи тянет промозглой сыростью, на ночь они оставляют окна в спальне открытыми. Дом необходимо проветрить. Изгнать из него старый затхлый воздух и наполнить свежим.

Патрик спит. Элла смотрит, как его грудная клетка мерно вздымается и опускается в темноте. Сама она уснуть не в силах.

Сегодня вечером они мало что успели сделать. Только прошлись по дому – вверх и вниз по лестнице – и заглянули во все комнаты. Открывали ящики, трогали картины. Убедились, что в холодильнике, слава богу, ничего не пропало (к счастью, там были только консервы и спиртные напитки). Застелили большую кровать в спальне новым постельным бельем, а старое сложили в пакет для мусора. Патрик прошелся до конца улицы и купил несколько бутылок холодного пива и два картонных лотка с китайской едой. Они ели в постели лапшу и жареные

блинчики с начинкой, а потом посмотрели несколько эпизодов сериала «Безумцы» на ноутбуке Патрика.

Но все это было несколько часов назад.

Теперь почти час ночи. Временами до слуха Эллы доносится шум проезжающей машины или гогот загулявшей компании ирландских парней, горлающих что-то на своем чудном диалекте. Возможно, в какой-нибудь другой жизни Элла совсем по-иному относилась бы к этому городку. Приезжала бы сюда каждый год и узнала бы Портраш получше. Но прежде всего узнала бы получше своих родителей – до того, как их не стало.

Пусть даже мама была своеобразным человеком с непредсказуемой – и это еще мягко сказано – психикой, все же... она была *мамой*. Ее мамой. Но пока Элла строила свою успешную карьеру актрисы, ее родители вели свою молчаливую замкнутую жизнь в Северной Ирландии и... В общем, в последние годы они созванивались всего пару-тройку раз в месяц.

Элла садится на постели. Трет руками лицо и запускает пальцы в свои густые светлые волосы. *Ну почему я не могу просто взять и уснуть?*

Она встает и подходит к окну, раздвигает гардины и выглядывает на тихую улочку. Мокрый асфальт, капли дождя на жестяном скате под окном.

В доме напротив во всех окнах погашен свет, за исключением нижнего этажа, где кто-то смотрит телевизор. Какое-то время Элла стоит, скрестив руки на груди, ощущая кожей ночную прохладу.

Внезапно что-то привлекает ее внимание, но Элла не сразу понимает, что именно.

Она прищуривается.

Чуть дальше по улице под фонарем кто-то стоит.

Человек в черном дождевике. Мужчина.

И смотрит на нее.

Глава третья

Стокгольм

Мы сидим почти в последнем ряду кинотеатра в центре города. В красных, обитых бархатом креслах.

Мы почти одни в зале, не считая пожилой пары и одного мужчины, который сидит чуть подальше. На экране – современная версия «*Бегающего по лезвию*» с Райаном Гослингом и Харрисоном Фордом в главных ролях. Оба довольно симпатичные, но честно говоря, я бы не хотела обменять сидящего рядом со мной мужчину на одного из них.

У меня на коленях – кулек со сладостями, у него – стакан попкорна. Немного неприятно слушать, как он постоянно шуршит рукой в районе своей промежности, но его это, кажется, только забавляет. Я отпиваю немного колы из моего гигантского бумажного стакана и придвигаюсь к нему на пару миллиметров поближе.

Мы оба чувствуем себя немного неловко. Я помню, пусть это и было сто лет назад, что когда начала встречаться со своим бывшим, Данне, то мы постоянно ходили в кино и тискались на задних рядах. Впрочем, я так делала со всеми парнями, которые у меня были. Обнимашки в темном зале кинотеатра – это восхитительно. В этом есть что-то уютно-подростковое.

Но сейчас о тисканье и речи не идет. Совершенно.

Если происходящее вообще можно назвать *свиданием*. Но у нас же свидание, правда?

Добиться определенности в наших с Адамом отношениях... очень сложно. Ведь мы, как ни крути, знакомы друг с другом всего несколько месяцев. А если учесть, что наша первая встреча больше напоминала допрос, где я была свидетелем, а он – ведущим расследование полицейским, то, пожалуй, вполне естественно, что в наших отношениях еще много неясного.

Но ведь потом, прошлым летом, у нас была та ночь... Ночь, когда мы оба выпили слишком много вина в булльхольменском ресторанчике на берегу и отправились ночевать в мой садовый домик. И, несмотря на хмель, я очень хорошо помню, как мы занимались любовью на моем диване. Помню его обнаженное крепкое загорелое тело и как свет луны падал ему на спину, когда он лежал на мне. Я бережно храню в душе это воспоминание и обращаюсь к нему каждый раз, когда... хм, приспичит.

Адам Онгстрём работает инспектором в полицейском участке Накка. Именно он вместе со своей коллегой Тилли расследовал прошлым летом убийство на Булльхольмене. И когда совершенное на крохотном островке в шхерах преступление оказалось раскрыто, я, верно, решила, что наши отношения автоматически выйдут на новый уровень. Но полицейские редко когда бывают свободны. Поэтому я рада, что сегодня ему удалось выкроить вечерок.

– Кого бы ты выбрала? – внезапно шепчет он мне в ухо.

– Что?

– Кого из них двоих ты бы выбрала?

Он кивает на экран, на котором мускулистый Райан Гослинг стоит и смотрит на чуть более старшего, но не менее мускулистого Харрисона Форда. Я улыбаюсь Адаму, но сама при этом чувствую смущение. *Кого бы я выбрала?* Это что еще за вопрос? Совершенно некстати в голову приходит мысль, что с таким же точно успехом я могла бы сидеть здесь с Закке.

– Не знаю. Харрисону ведь сейчас уже довольно много лет.

– Да уж. Как быстро летит время.

– Хотя он не всегда выглядел как пенсионер, верно?

– Ага...

Адам достает конфетку «Полли» из кулька у меня на коленях и кидает себе в рот. За те два месяца, что я в Стокгольме, мы встречались с ним всего три раза. Мы оба чрезвычайно

занятые люди. Ладно, зачеркнем «мы». Он – занятой человек. У меня тоже есть работа, но, будучи фрилансером, я пользуюсь куда большей свободой – несмотря на статьи, у меня остается полно времени на то, чтобы запихивать в себя чипсы из кладовки Закке и Юнатана, смотреть «Фермер ищет себе жену» и искать в интернете информацию про нового бойфренда Каролины Гюннинг. *Девушка может уйти из «Шанса», но «Шанс» из девушки – никогда.*

Адам же занят по-настоящему. Он расследует преступления.

Две наши предыдущие встречи проходили примерно по тому же сценарию. С наступлением темноты мы встречались в городе, заключали друг друга в продолжительные объятия и шли в кино. По окончании сеанса заходили куда-нибудь перекусить, выпить по бокалу вина, после чего разбегались.

Но... кто же мы тогда? Друзья? Или мы действительно встречаемся? О боже, он ведь не думает, что обязан видеться со мной? Что он вроде старшего брата, чьим заботам можно перепоручить тяжело заболевшего ребенка?

Я искоса поглядываю на Адама. Сегодня вечером на нем красуется белый вязаный пуловер и темно-синие классического покроя льняные брюки. Ткань красиво обтягивает мощные бедра. Когда я только познакомилась с ним, он всю дорогу ходил в строгом деловом костюме, но, полагаю, осенние стокгольмские холода взяли-таки свое. Теплый свитер – то, что нужно в это время года.

Наши руки внезапно сталкиваются, когда мы одновременно пытаемся зачерпнуть из ведерка последние зерна попкорна. Его горячая кожа касается моей.

– Ой, прости, – шепчу я.

Он улыбается и убирает руку из ведерка. Давая мне взять столько, сколько я хочу. *Вот как раз сейчас и могло бы что-нибудь случиться.* И я, как ни стараюсь, не могу выкинуть эту мысль из головы. Мое воображение тут же рисует картинку, не менее реальную, чем та, что происходит на экране: здесь наши взгляды могли бы встретиться. Здесь наши губы могли бы приблизиться друг к другу!

Но Адам снова поворачивает голову к экрану. А я запихиваю попкорн в рот и, зажевывая им свое разочарование, продолжаю тарашиться на Харрисона с Райаном.

Интересно, а кого бы я действительно выбрала? Все зависит от того, кто останется живым в конце. Было бы крайне печально остаться вдовой в моем возрасте.

* * *

Несколько часов спустя мы сидели, уставившись каждый в свою тарелку с клецками. В этот вечер среды фудкорт «K25» на Кунгсгатан наполовину пустовал. Несколько пожилых женщин в шмотках от Гудрун Шьёдин потягивали красное вино за соседним столиком. Чуть поодаль сидела с гамбургерами парочка бизнесменов и откуда-то сзади доносился смех подростков. Я насадила на вилку нафаршированную салом клецку и обмакнула ее в пластиковую формочку с соусом якинику. Последние полчаса были посвящены обсуждению фильма, который оказался на редкость плохим. Но, кажется, в этом мы с Адамом похожи, потому нам обоим нравятся плохие фильмы. Во время их просмотра можно расслабиться и дать мозгам отдохнуть.

– Как у тебя успехи с «Кровавым следом»? – спросил Адам и сделал глоток пива.

– Неплохо. Во всяком случае, не жалуясь. Работы, конечно, хватает, но зато интересно.

– И о чем ты сейчас пишешь?

– Только что закончила материал об убийстве Элизабет Шорт. Знаешь про нее?

– Уф, да. «Черный Георгин». Когда же это случилось – в сороковые, кажется? В Лос-Анджелесе, верно?

– Да, точно. В 1947-м.

– Жуткое дело. Да еще эта улыбка, как ее там сейчас называют...

– «Улыбка Глазго», – подсказала я.

Адам вздрогнул, и даже я поспешно сделала глоток светлого.

– Я так выгляжу, когда просыпаюсь по утрам, – пошутила я и скорчила гримасу.

Адам рассмеялся. А я тут же пожалела о своей выходке. Я могла бы так пошутить в компании Закке, но здесь мне, возможно, стоило бы постараться быть чуточку более милой, если я хочу, чтобы этот парень напротив заинтересовался мной. И не давать ему повода думать, будто я выгляжу как искалеченный труп по утрам. Что, согласитесь, не слишком-то привлекательно.

– На самом деле совершенно жуткое убийство, – быстро проговорила я. – Но хуже всего, что преступник так и не был найден.

– Гм, в самом деле. Печально.

Внезапно моя нога соскальзывает с металлической опоры под столиком и задевает ногу Адама. Он улыбается мне. Словно прощает за то, что я его случайно задела. Я подтягиваю ногу к себе и слишком поспешно отправляю очередную клецку в рот. *Разве мы не должны сейчас сидеть и флиртовать, касаясь друг друга ногами под столом? Почему мы этого не делаем?*

Впрочем, это слишком по-детски. Вместо этого мне нужно сделать что-нибудь по-настоящему сексуальное. Ведь сегодня вечером я хочу отправиться домой вместе с ним, хочу снова пережить ту летнюю ночь. *Боже, как же я соскучилась по ней.* А он разве не соскучился?

Итак, что бы сделать такого сексуального? Может, с соблазнительным видом облизать палочки для еды? Нет, не годится, уж больно они острые. Того и гляди, какая-нибудь из них непременно воткнется мне в язык. Я смотрю на Адама. Боже, до чего же он сексуален. И ему даже не нужно ничего с собой делать, чтобы быть таким. Это уже заложено в нем от природы.

Я слегка потягиваюсь на барном стуле, на котором сижу. И пока Адам смотрит вниз в свою тарелку, я слегка наклоняюсь, чтобы ложбинка между грудей стала еще более заметной. Вот так я теперь и буду сидеть. Глядя на него томным взглядом и с самой большой в «К25» грудью. Это должно сработать. Одной рукой я слегка отвожу назад свои светлые волосы, как можно более небрежно, и одновременно чувствую, как нечто впивается мне в горло. Клецка, которую я толком не прожевала, застряла где-то в глотке. *Вот блин.*

Адам отрывается от еды и удивленно смотрит на меня:

– Силла?

Я же чувствую, как мои глаза выпучиваются все больше и больше. Эта проклятая клецка в самом деле *застряла* у меня в глотке – я едва могу вздохнуть. Я пытаюсь дышать носом, но это так щекотно, что в результате я лишь начинаю лихорадочно кашлять.

– Все... в порядке? – настороженно спрашивает Адам.

Я киваю и машу рукой, мол, не волнуйся.

– Ничего страшного, – выдавливаю я, при этом мой голос звучит как у Терезы Риган из «Изгоняющего дьявола».

Я пытаюсь откашляться, но ничего не выходит. *О боже, какой позор. Я вот-вот скончаюсь на месте из-за клецки с салом.* Адам хочет встать, чтобы помочь мне, но я толкаю его обратно на стул.

– Я... сама... справлюсь...

Риган разошлась во всю. Адам выглядит совершенно растерянным, и тут я замечаю, как одна из пожилых дам за соседним столиком встает и направляется к нам. Ее туника развеивается, как у ангела-спасителя.

– Эй, старушка, как ты себя чувствуешь?

Старушка. Это же надо сказать такое! Ничего более несексуального и придумать нельзя.

– Я...

Теперь мой голос звучит так, словно доносится из загробного мира. Глаза слезятся, и я понимаю, что просто-напросто задыхаюсь. *Проклятая клетка*. Черт бы ее побрал. Женщина в тунике встает за моей спиной и обхватывает меня своими большими руками за живот.

– Ну-ка, держись, старушка. Сейчас мы от нее избавимся. Раз, два, три!

По щекам побежали слезы, и я моментально взмокла, словно вошла в сауну. И тут женщина проделала со мной некую таинственную манипуляцию, от чего из моего горла вырвался хрип, и вслед за ним из глотки выскочила клетка и попала мне в рот, вот только не в своей первоначальной форме. Склонившись над блестящей от жира бумажной тарелкой, я по кусочку выплевывала ее, словно меня тошнило.

Да уж. Если Адам на такое не клюнет, то я уж и не знаю, что еще ему нужно.

* * *

Когда мы наконец покидаем ресторан, на улице моросит дождь. Я начинаю дрожать и доверху поднимаю молнию на своей белой осенней куртке, в которой больше похожа на сугроб зимой. Я засовываю руки в карманы и смотрю, как Адам под самое горло застегивает свое элегантное пальто.

Какое-то время мы просто стоим и смотрим на дождь. Ему известно, что мне нужно в сторону Стуреплана, где я сяду на красную линию метро и отправлюсь домой в квартиру Закке и Юнатана на Мариаторгет. Сам же он двинет на станцию «Хёторге», где сядет на зеленую линию, по которой доберется до своей квартиры на Фридхемс-план.

– Ну вот... – говорит Адам.

– Ну вот... – говорю я.

– Было очень приятно увидеться тобой, Силла. Как всегда.

– Взаимно.

– Больше не ешь никаких клеток, когда вернешься домой. А то я стану волноваться.

Мои щеки вспыхивают, и я бешено мотаю головой. Он протягивает руку и гладит меня по плечу. Я киваю и улыбаюсь в ответ. *Черт, чем мы вообще занимаемся?*

– Обещаю, – говорю я.

– В ближайшее время постараемся снова увидеться.

– Обязательно.

Он подходит ближе и заключает меня в крепкие объятия. Наши щеки ненадолго касаются друг друга, прежде чем он снова делает шаг назад.

– Передавай привет Закке и Юнату, – уже на ходу бросает он, шагая по Кунгсгатан.

– Конечно, они...

Я обрываю себя на середине фразы, потому что понимаю, что оставшуюся часть он, скорее всего, уже не услышит. Внезапно у меня возникает чувство, что он куда-то ужасно спешит.

Я поворачиваюсь в сторону Стуреплана. Мимо меня идут люди, многие из них держатся за руки. Любовные парочки, собравшиеся поужинать в ресторане. Или спешащие домой, где они включают свет и вскипятят чай, чтобы согреться после прогулки.

На холоде у меня вечно течет из носа.

Начинает основательно подмораживать.

Глава четвертая

Портраш, Северная Ирландия

Когда Элла проснулась, снаружи светило солнце.

Ночной кошмар напомнил о себе. Всю ночь она лежала и ворочалась с боку на бок, но сон лишь временами слегка касался ее, словно крылья бабочки. Ей так и не удалось успокоиться. Что неудивительно. Ведь она впервые ночевала в доме своих ушедших из жизни родителей. В чужом, поскрипывающем, пахнущем сыростью доме.

А тут еще этот человек.

Да, Элла вспомнила про него, стоило ей открыть глаза и прищуриться от яркого света. Мужчина, которого она видела ночью на улице. Незнакомец в черном дождевом плаще и с зонтом в руке. Он ничего не делал, просто стоял, окруженный тьмой, в круге фонарного света. Но Элла могла поклясться, что он глядел в ее сторону. Его взгляд был прикован к окну, за которым лежали и спали они с Патриком.

Но зачем? Зачем кому-то понадобилось заглядывать в чужие окна? Может, это был взломщик?

Заметив мужчину, Элла тут же бросилась к Патрику и разбудила его. Муж по своему обыкновению спал словно тюлень (но сексуальный тюлень), поэтому Элла долго трясла его, пока он не проснулся. *«Там снаружи стоит какой-то человек!»* — прошептала она ему. Но в ответ Патрик лишь пробормотал что-то неразборчивое и снова провалился в сон. А когда Элла вернулась к окну, незнакомца уже и след простыл. Словно его, как мокрую палую листву, унесло с тротуара ветром. Элла снова легла в постель, но прошло довольно много времени, прежде чем ей удалось достаточно расслабиться, чтобы уснуть.

– Доброе утро.

Патрик внезапно возник в дверном проеме, и Элла резко села на постели.

– Доброе утро, – сказала она. – Вижу, ты нашел душ.

– Да. Но у нас с ним вышла небольшая битва.

– То есть?

– В смысле между душем и мной. Ты знала, что водонагреватель включается через распределительный щиток, который находится прямо под душевым краном? По-моему, вода и электричество – не слишком удачное сочетание, но, кажется, здешний народ явно не загоняется на эту тему.

Элла фыркнула:

– Да уж. Добро пожаловать в Великобританию.

Патрик запускает пальцы в волосы, на его правой руке напрягаются мускулы. Элла разглядывает своего свежее испеченного супруга, стоящего перед ней в одном лишь белом тонком полотенце, обернутом вокруг широкой талии, и ей неожиданно приходит в голову, как же это все удивительно, что она наконец-то повстречала Патрика. Все мужчины, с которыми Элла прежде встречалась, просто мальчишки рядом с ним. Худощавые, бледные, холеные молокососы. Модельные стрижки и модные футболки. Типичные городские парни.

Если погуглить имя Эллы в интернете, то можно обнаружить множество фотографий, где она позирует на красной ковровой дорожке. Подобных снимков за уже почти двенадцатилетнюю карьеру актрисы у нее накопилось достаточно. Мужчины – точнее, парни – рядом с ней меняются, но все они похожи друг на друга как две капли воды.

А теперь она вдруг неожиданно для себя самой оказалась замужем за медведем гризли. Уроженец Вестероса, чья внешность годится разве что для рекламы бензопил и снуса, и все

же при виде него у нее каждый раз перехватывает дыхание. Висящий на его светлой волосатой груди золотой крест поблескивает в лучах солнца. Патрик проводит рукой по черной щетине на лице и подходит к постели.

– Как спалось?

– Неплохо.

Это ложь, и он это прекрасно знает, но еще он знает, что Элле редко удастся нормально поспать. Выспаться для нее недостижимая мечта.

– Ну что, пойдем завтракать? Или ты хочешь, чтобы я составил тебе компанию в постели?

И он угрожающе сдвигает брови. Элла смеется. На короткое мгновение мелькает мысль, что довольно странно заниматься любовью в старой постели своих умерших родителей. Что это как-то неправильно. Не по-людски. Но ведь это же всего-навсего самая обычная кровать, к которой она, по идее, не имеет никакого отношения. Широкая постель, залитая лучами солнца где-то в чужой стране. Да и по правде говоря, ей трудно противиться Патрику, когда он стоит сейчас перед ней, только что из душа. К тому же они молодожены. Они же не будут ими вечно.

– Ты уже поставил кофе? – спрашивает она.

Он качает головой.

– Тогда, думаю, завтрак может немного подождать...

Он улыбается и, размотав полотенце, дает ему соскользнуть на пол.

* * *

Над влажным песком с криками носятся чайки. Элла и Патрик бредут по пляжу, каждый с бутылкой воды в руке. Поскольку сейчас октябрь и обычный будний день, туристов в городе не так уж и много. Если уж на то пошло, Портраш словно вымер. Но солнышко все равно пригревает, и это здорово.

– Как насчет того, чтобы сегодня вечером заглянуть в рыбный ресторанчик? – спрашивает Патрик. – Вон в тот, в конце пляжа?

– Звучит заманчиво. Как думаешь, там надо заранее бронировать столик?

– Нет, достаточно просто прийти туда. Городок не производит впечатление многолюдного.

– Это мягко сказано.

Они взяли друг друга за руки и гуляли еще полчаса, пока набежавшие тучи не похитили солнце и дождь вновь не забарабанил по крышам домов.

* * *

Вторую половину дня они провели дома. Начать уборку решили с верхнего этажа, постепенно спускаясь ниже. Прихватив с собой карманные фонарики и стеариновые свечи, Элла с Патриком поднялись на узкий тесный чердак, где громоздились штабеля коробок и ящиков, скопившиеся здесь за две людские жизни. Патрик сварил кофе и включил на мобильном джазовую музыку из интернета. Обстановка, несмотря на паутину и пыльный воздух, получилась довольно уютная.

Элла открывает одну из коробок и видит саму себя. Ее школьные фотографии в рамках. Они с Патриком смеются, когда она показывает ему снимки семилетней румяной девочки с косичками и без двух передних зубов. Порывшись в коробке, Элла обнаруживает еще больше фотографий и фотоальбомов. Она отставляет коробку в сторону, решив на досуге получше изучить ее содержимое. Не в стиле Эллы ударяться в ностальгию. Тем более сейчас. Кто знает, вдруг ей не удастся совладать с теми чувствами, которые нахлынут на нее, если она начнет перелистывать эти фотоальбомы.

Ближе к семи часам снаружи совсем темнеет. Здешний вечерний холод удивил их, и, покидая дом, Элла с Патриком надевают под осенние куртки теплые вязаные свитера, несмотря на то что до рыбного ресторанчика идти всего ничего, каких-то пару сотен метров.

Элла не может удержаться и постоянно оглядывается по сторонам, примечая по пути каждую мелочь. *Гляди-ка, какой старый почтовый ящик – интересно, мама когда-нибудь опустила в него письма? А вот заколоченная лавка зеленичника – покупал ли папа там когда-нибудь еду?*

Портраш – странный городок. Хотя, возможно, куда уместнее было бы назвать его деревней. Он – некрасивый, но своеобразный шарм в нем все же присутствует. Его нельзя назвать оживленным, но и совершенно вымершим он тоже не выглядит. Зачастую места, где отдыхающие проводят свои отпуска, действительно производят такое впечатление. Словно их построили случайно, фон для тех, кто проезжает мимо. Что происходит, когда туристы покидают такое местечко? Неужто весь городок обрушивается, словно декорации в нарисованном мультимедиа про Дональда Дака и Гуффи? Это знали только мама и папа Эллы. Потому что они жили здесь в течение нескольких лет.

В ресторанчике они садятся за столик возле высокого окна. Внутри довольно уютно, и немногочисленные посетители тихо позвякивают столовыми приборами. Темно-синее море за окном похоже на написанную маслом картину. Официантка зажигает на их столике свечу, и каждый заказывает себе по тарелке морепродуктов, здешнего фирменного блюда. Патрик берет светлое пиво, а Элла в конце концов решается на бокал шабли. Впрочем, то, что ей приносят, мало похоже на шабли. Едва ли это хороший ресторан, ей приходилось бывать в похожих прибрежных забегаловках в Соединенных Штатах – в меню там рекламировали шампанское по четыре доллара за бокал. Но стоит Элле поднести бокал к губам, как она понимает, что это белое вино, прохладное и бодрящее, а ей только этого и надо.

Патрик все же пошутил по поводу спартанской атмосферы Портраша, когда они вчера сюда приехали. *Все в порядке, Элла? Ингалятор не нужен?* Но Элла лишь пихнула его в бок и рассмеялась. У себя дома в Швеции у них была чудесная дорогостоящая жизнь. В основном благодаря деньгам Эллы. Не то чтобы Патрик мало получал, работая столяром, просто зарплата актрисы позволяла Элле вести такой образ жизни – просторные четырехкомнатные апартаменты на Банергатан в Остермальме, все эти уик-энды, ужины по четвергам в «Рише» и дорогие элитные вина. Но Элла много и усердно трудилась, чтобы хорошо зарабатывать. У нее были коллеги, которые получали всего одну роль за полгода и потом неплохо жили на эти деньги. Сама она последние пять лет сочетала партии в мюзиклах по воскресным вечерам с ролями в детективных сериалах по будням. Прибавьте к этому съемку в рекламе, участие в роли ведущей на корпоративах и массу закадровой озвучки. Но целью были не деньги. Ей просто нравилось работать. Нравилось всегда быть чем-то занятой. Нравилось постоянное ощущение легкой спешки. Всегда в движении, никогда не останавливаться. Оттого ей немного не по себе теперь при виде темного безмолвного моря снаружи.

– Как удобно, что они могут ловить своих моллюсков и ракообразных прямо здесь, – говорит Патрик с улыбкой, когда им подают горячее.

– Действительно, – кивает Элла. – Очень вкусно.

– Как... тебе? – немного помолчав, осторожно спрашивает он.

Элла обсасывает клешню рака.

– Чересчур соленое?

Патрик хмыкает.

– Я имею в виду, как тебе здесь. В Портраше. Нравится? Прибираться в этом доме. Это, наверное, кажется тебе странным?

Элла пожимает плечами.

– На самом деле... На самом деле я не знаю, каково мне. Честно.

Потому что уборка в доме своих умерших родителей – это особая штука, не похожая ни на что. И ладно, если бы дом принадлежал *только* папе Эллы, которого скоро уже пять лет как нет на белом свете. Элла никогда не была особенно близка с отцом. То ли дело мама.

Ее мать родилась в Северной Ирландии в начале пятидесятых, здесь, в Портраше, в семье ирландки и шведа. Родителей матери Элла никогда не видела – только слышала о них. Они погибли при лобовом столкновении на мокрой от дождя дороге неподалеку отсюда, когда ее матери было не больше восемнадцати. А в девятнадцать мама покинула свою родину и переехала в Швецию с молодым шведом, с которым познакомилась в местном пабе. Но не этому мужчине было суждено стать отцом Эллы. Папа появился восемь лет спустя, к тому времени мама как раз успела обвыкнуться в Стокгольме и начала учиться на медсестру. Когда второй парень, чьего имени мама никогда не называла, бросил ее ради какой-то уроженки Сконе, она была разбита и сломлена горем. Но хуже всего, что все ее друзья, по сути, были его друзьями, и после этого разрыва она осталась совсем одна.

Но потом появился папа Роджер. И между девушкой из Северной Ирландии и парнем из Стокгольма вспыхнули чувства. Они прожили вместе почти сорок лет и последние десять из них провели в Портраше. Именно тогда Элла съехала от них и стала жить самостоятельно.

Элла никогда не понимала, как сильно ее мама скучала по Северной Ирландии. Она лишь думала, что это немного странно, что они переехали – только и всего. Но родители у Эллы были *людьми своеобразными*. И именно поэтому она прибиралась сейчас в их доме с горько-сладким ощущением в груди. Потому что, несмотря на скорбь, эта уборка знаменовала окончание болезненных отношений длиною в жизнь. Которые останутся теперь только в прошлом и от которых никогда не удастся избавиться.

Когда к Элле приходит понимание этого, она делает большой глоток шабли. Патрик смотрит на нее.

– Глупый вопрос, да?

Элла поднимает на него взгляд.

– Что, прости?

Она уже забыла, что за вопрос он ей задал.

– Я спросил, как тебе здесь. Нелегко, наверное, да?

Он накрывает ее руку своей, гладит костяшки ее пальцев. Она ловит его взгляд и чувствует невероятную благодарность за то, что он здесь, с ней.

Стая чаек вопит за окном, мечется между серым свинцом неба и бледной полоской берега. Совсем скоро сюда придет ночь. И внезапно силуэт ночного визитера снова всплывает в голове у Эллы. Стоящий в желтом круге фонарного света мужчина в дождевике. Задрал голову, он смотрит на их окна.

Элла делает глубокий вдох и серьезно смотрит на Патрика.

– Я хочу только, чтобы все это как можно скорее закончилось.

Глава пятая

Стокгольм

Винный бар Закке называется «Mon Dieu!» и находится всего в двух шагах от квартиры парней на Мариаторгет. Это очень уютная забегаловка с четырьмя маленькими столиками, барной стойкой и стенами, увешанными винными бутылками, пробками и старыми этикетками.

Несколько лет назад у Закке случился жизненный кризис. По мне, так подобные кризисы случаются у него каждую неделю (о боже, дай Юнату сил и терпения!), но несколько лет назад все действительно было очень серьезно. После чересчур длинной карьеры арт-директора в различных изданиях, среди которых был и «Шанс», он захотел заняться чем-нибудь новым. Еда и вина всегда интересовали Закке, поэтому в один прекрасный день он уволился с работы и решил посвятить себя изучению профессии сомелье.

Я-то всегда думала, что *сомелье* – это всего лишь алкоголик по-французски, но для Закке открылся совершенно новый мир. Дубовые бочки, типы почв, годовая норма выпадения осадков, сорта винограда, вкусовые композиции... о боже, до чего же многообразен мир вин! Но ни я, ни Юнатан не жаловались, потому что всегда именно нам выпадало счастье попробовать то, что Закке удавалось найти на аукционах или полках винных магазинов. Наконец, после всей этой зубрежки и многочисленных сплевываний, он получил-таки свой вожеленный диплом и год назад открыл «Mon Dieu!». Но заходить в бар регулярно начали только тогда, когда газета «Дагенс Нюхетер» опубликовала на своих страницах хвалебный отзыв о нем. В разделе, посвященном ресторанам и барам Стокгольма.

– Чего желаете? – спрашивает Закке с улыбкой. Он стоит за барной стойкой и протирает полотенцем бокал. Я сижу напротив, уперев локти в мраморную столешницу. Мокрые волосы свисают на глаза, и я, должно быть, выгляжу сейчас как та японская девушка, угодившая в колодец в триллере «Звонок».

– Что угодно, Закке.

– Ты же знаешь, что такой ответ меня не устроит. У нас есть просто сказочный «Антр-де-Мер», который...

– Ничего такого, чего бы я не смогла выговорить.

– Ты прямо как ребенок.

– Просто дай мне чего-нибудь покрепче. В большом-пребольшом бокале размером с аквариум. И с соломинкой.

– Тогда, может быть, тебе лучше пойти в «Чокнутую Лошадь»?

– Ладно, давай шардоне. Из Нового Света. Он должен быть маслянистым на вкус.

Закке фыркает.

– Ага, но почему бы тебе не попробовать чего-нибудь новенького?

Он отходит к холодильнику и достает из него бутылку, на этикетке которой прямо так и написано: «Силла». Закке объясняет, что это из долины Напа в Соединенных Штатах, попутно добавляя еще уйму всяких других подробностей, которые он мог бы и не трудиться озвучивать, потому что я уже пила это вино раньше и все про него знаю. Если уж на то пошло, то я пью его каждый раз, когда здесь бываю. Он наливает мне немного на пробу, я нюхаю и глотаю.

Vau. Ощущения такие, словно предо мной отворились Врата Небесные. Кругом поют ангелы, Ченнинг Татум без одежд приветствует меня и сверху сыплется дождь из жареной картошки фри. Это самое вкусное, что только есть на свете.

– Достаточно маслянистое? – осведомляется Закке. – Или мне стоит дополнительно растопить пачку сливочного?

Я улыбаюсь:

– Это волшебно.

Он наполняет мой бокал до краев, после чего сам ставит локти на барную стойку и устремляет на меня взгляд:

– Ну и... как прошло свидание?

Я качаю головой:

– Не напоминай.

– То есть неважно?

– Мы были в кино, а потом пошли есть клецки. Одна застряла у меня в глотке, и мне пришлось плевать и харкать прямо у него на глазах.

– Ну, каждый может подавиться едой. В этом нет ничего постыдного.

– Я серьезно, Закке. Это было так... *унизительно*.

– Силла, ты просто подавилась. Если он испугался девушки, у которой азиатская еда попала не в то горло, то, возможно, ваши отношения не многого стоят, а?

– В *том-то* все и дело. Отношения. У нас их попросту нет, мы же едва с ним видимся. Мы не делаем... ничего.

Я делаю еще глоток и вздыхаю. И сразу чувствую себя немного дурой. Не слишком-то весело пребывать в отчаянии. И не так уж это привлекательно. К тому же речь сейчас не о том, чтобы просто иметь кого-то под боком, только бы не быть одной. Я могу спокойно прожить без парня, в чем я успела убедиться за последний год, когда мой бывший испарился из моей жизни. Я умею готовить себе еду, спокойно спать одна по ночам в постели и развлекаться с Закке и Юнатаном.

Так что дело не в парне как таковом. Дело в Адаме. В те короткие мгновения, когда нам удавалось увидеться с ним осенью, он делал мою жизнь лучше. Всего за несколько секунд. Достаточно посмотреть, как он двигается, улыбается или пьет вино из бокала (словно встречается с напитком взглядом), как у меня в животе сразу начинает сладко ныть – сразу хочется улыбаться и смеяться в ответ.

– Ты не должна комплексовать по этому поводу, Силла, – замечает Закке. – Это же такой пустяк.

– Мы встречаемся с ним три месяца. Если бы сейчас на дворе был девятнадцатый век, я была бы беременна уже пятым ребенком.

– Ты хочешь иметь пятерых детей?

– Нет, речь не об этом...

Я чешу подбородок и обнаруживаю, что мой бокал пуст.

– Закке, у тебя еще есть шардоне?

Он качает головой. Я каменею.

– Что? Неужели закончился?

– Я просто пошутил. Не бойся, у меня его предостаточно. Просто было прикольно увидеть твой взгляд.

* * *

В девять часов вечера я покидаю бар Закке и выхожу на площадь Мариаторгет. Бар закрывается через час, так что Закке еще на какое-то время задержится, а Юнатан сегодня вечером тоже занят на работе. Какой бы ни была уютной их квартира, я не испытываю ни малейшего желания идти туда, когда там никого нет.

Над площадью задувает осенний ветер, шелестит опавшей листвой на тронутых заморозком булыжниках мостовой. Я поплотнее запахиваюсь в куртку и решаюсь ненадолго присесть на скамейку. Посражаться с холодом, чтобы потом, когда я все же надумаю идти домой, квар-

тира Закке и Юнатана показалась мне раем. Юнатан прихватил Анету Франклин с собой, иначе я могла бы взять ее на прогулку по Сёдермальму.

Скамейка подо мной просто ледяная, так и задницу отморозить недолго. Я разглядываю дома на площади, заглядывая в освещенные окна квартир. Всюду кипит обычная жизнь. Родители жарят блинчики и тефтели для своих детишек. Пожилые пары пьют чай и смотрят детективные сериалы по телику. Подростки дуются на то, что им не разрешили пойти в выходные на вечеринку. Возможно, где-то есть и одиночки. Прямо сейчас они разогревают в духовке пиццу, потом откроют банку с пивом и усядутся смотреть очередную серию по кабельному телевидению, которое составит им компанию на весь оставшийся вечер.

Внезапно в моем кармане тренькает телефон. Я достаю мобильный, его корпус уже успел стать холодным, несмотря на то что я всего несколько минут на улице. На долю секунды в моей груди вспыхивает надежда, но тут же гаснет, едва я вижу, от кого сообщение.

Привет, Силла! Надеюсь, у тебя все хорошо. Что ты делаешь в выходные? Как насчет того, чтобы навестить нас с Сусси в Эльвшё? Мы могли бы приготовить медальоны филе миньон, которые ты так любила в детстве. Если, конечно, сейчас можно есть свинину, а то я слышал об эпидемии среди свиней в Германии. Болезнетворные бактерии. Две женщины умерли. Ты часто ешь свинину? Лучшие воздержись. Очень прошу. Приезжай на выходные!

Обнимаю, папа.

Я улыбаюсь в темноте. Мой замечательный папа. Беспокойный папа. Возможно, вечер в Эльвшё – это действительно неплохо. Прошло уже довольно времени с тех пор, как я навещала их в последний раз. Папу и Сусси, женщину, которую отец встретил несколько лет спустя после того, как не стало мамы. Им неплохо живется вместе. Вдвоем они совершают вылазки на природу, любят встречать рассветы зимой, обожают готовить еду и решать sudoku и всегда ставят диск Хулио Иглесиаса, когда к ним приходишь в гости.

Именно этого я и хочу. Без большой романтики и театральных жестов. Просто приятная жизнь с кем-то, с кем можно вместе готовить еду и смеяться. И слушать Хулио Иглесиаса.

Спустя какое-то время я встаю со скамейки и отправляюсь в квартиру моих парней на четвертом этаже. Умываюсь (потому что Закке любит указывать мне по утрам, что неумытая я выгляжу на десять лет старше), раскладываю диван и стелю постель.

И со спокойной душой засыпаю.

Глава шестая

– Силла! Дорогая!

Я чуть не поперхнулась кофе, когда Антония Фьорелли ворвалась в двери «Урбан Делис». Всякий раз при виде нее я вспоминаю о своей плохой осанке и выпрямляю спину. На ее плечи наброшена лисица (или это норка?), а ярко-алые от помады губы светятся, как сигнальные огни.

По идее, Антония Фьорелли – мой новый шеф. Она исполнительный продюсер подкаста «Кровавый след» и, кроме того, совладелица компании «Лавли Медиа», которая этот самый подкаст и придумала. Антония и ее сестра Паула основали компанию несколько лет назад, и их путь к успеху был прямым, как штык. Обе девушки прославились как знатоки современного образа жизни и в настоящий момент владеют настоящей медиа-империей, в которой они сами решают, какие подкасты стоит продюсировать, а какие нет. Один из крупнейших проектов – их собственный. Называется «Паула&Антония – по голой коже». Впрочем, «Кровавому следу» много рекламы не требуется, он и без того привлекает к себе слушателей. По-видимому, интерес людей к криминалу не знает границ.

Антония заключает меня в прохладные объятия и дарит поцелуй в щечку – настолько легкий, что он даже не касается моей кожи. После чего усаживается напротив с сумкой от Луи Виттона на коленях.

– Как чудесно видеть тебя, Силла! Наша новая журналистка!

– Ох. Взаимно.

Антония очень милая, но есть в ней что-то такое, что меня чуть-чуть пугает. Она убийственно красива и, несмотря на то что при общении с подчиненными Антония отличается неизменным профессионализмом и благожелательностью, меня тревожит, что едва мы с ней расстанемся, как она начнет поливать меня грязью. Она та еще штучка.

– Как обстоят дела? Готов материал про Элизабет Шорт?

– Йес, я переслала вчера файл ведущему программы. Жуткое дело, вот что скажу.

– Просто ужасное!

Антония качает головой, но не может скрыть своей улыбки. Они с сестрой обе большие любительницы известных криминальных историй. Именно эта любовь привела их к тому, что они решили основать подкаст о нераскрытых преступлениях. Кроме того, я где-то читала, что они с сестрой только что заключили контракт на издание детективной трилогии с авансом в несколько миллионов крон.

– А еще какое-нибудь задание для меня найдется? – с надеждой спрашиваю я.

– А то как же! Я сначала подумала про Джонбенет Рэмси.

Она вытягивает свои длинные наманикюренные пальчики в жесте ведущего шоу.

– Одно из самых загадочных убийств Америки. Кто прикончил малышку Джонбенет – мама, папа, старший брат или совершенно посторонний психопат, проникший в дом через подвальное окошко? О, это настоящая мистерия! Но...

– Но?

– Но потом я обнаружила, что Симон и Симона как раз занялись этим делом. Эти чертовы...

Я разочарованно киваю. Симон и Симона – пара на Ютубе, ставшая в последние годы известной по всей стране. Кроме своего ютуб-канала, они также ведут популярный блог и подкаст, в котором рассказывают о всяких таинственных и сверхъестественных вещах. В основном речь идет о местных поместьях и усадьбах, но время от времени встречаются и нераскрытые убийства.

Антония удрученно качает головой. Соперничество между сестрами Фьорелли и парой Симон/Симона – велико. Они сражаются за одну аудиторию слушателей.

– Но я нашла другое дело, – говорит Антония. – Получше этого. Ты как, в игре?

Мой рот расплзается до ушей.

– Ты спрашиваешь, в игре ли я? Да эти нераскрытые убийства помогают мне оплачивать аренду жилья!

Антония лукаво улыбается и открывает сумочку от Луи Виттона (чьи размеры запросто позволяют спрятать в ней ирландского волкодава – вместе с его хозяином). Она достает красную папку с логотипом «Кровавого следа» и, вынув из нее листок бумаги, шелчком пальца отправляет его на мою половину. Я склоняюсь над ним. С распечатки на меня смотрит молодая женщина с белокурыми вьющимися волосами. Изображение немного расплывчатое – кажется, фотография сделана на какой-то домашней вечеринке. Я различаю за спиной женщины книжные полки с рядами виниловых пластинок. Снимок явно сделан не в 2000-е годы.

– Кто это? – спрашиваю я.

– Лайла Дамм. Ничего внутри не ёкает?

Я качаю головой:

– К сожалению, нет...

– На этом снимке Лайле Дамм двадцать семь лет. Легендарная женщина, активно участвовавшая в увеселительной жизни Стокгольма в конце восьмидесятых. Она была... как же это называется... светской львицей?

– То есть она знаменитость, да?

– Едва ли ее имя было известно широкой публике, но в своих кругах она была весьма популярна. Актриса, но больших ролей почти не имела. Так, статистка в нескольких фильмах, небольшие роли в телевизионных сериалах. Но не карьера сделала ее популярной, а то, какой она была. Лайла дружила со всеми, и все, кто хоть что-то значил в Стокгольме 80-х, знали ее. То есть до 1988 года. Когда она пропала.

– Ой, – вырывается у меня.

– Ага. Бесследно. То есть действительно – *совершенно* бесследно. В последний раз ее видели на Кунгсгатан осенним вечером 1988 года.

– Думаешь, ее убили?

– Нет. Конечно, существует масса теорий, но, по сути, это не относится к разряду нераскрытых *убийств*. Скорее это нераскрытая тайна. Потому что после этого вечера ее никто больше не видел. Ни живой, ни мертвой.

* * *

Какое-то время спустя я стою в самом центре хаоса на Свеавэген. Время близится к двенадцати и пятничное обеденное столпотворение в самом разгаре. Люди выбегают из дверей «Урбан Дели» с бумажными пакетами с дорогими салатами, спеша обратно к своим офисным компьютерам.

Одно из преимуществ работы журналиста-фрилансера состоит в том, что я могу позволить себе немного продлить свой обеденный перерыв. Мне это в самом деле необходимо, ведь сегодня вечером мне предстоит провести два часа в «Оперной террасе» на фестивале сыра с одной своей приятельницей. Именно она прочла об этом потрясающем событии в газете, а поскольку мы обе с ней довольно ограничены в средствах, то мне удалось достать два бесплатных входных билета с помощью своего журналистского удостоверения. Правда, за всю свою жизнь я ни строчки не написала о сыре, но это уже другой вопрос...

– Силла! Сюда!

Я отделяюсь от людского потока перед «Урбан Дели» и бросаю взгляд на противоположную сторону улицы. Там стоит она. Моя свежее испеченная лучшая подруга и по совместительству соседка по садовому участку на Буллхольмене. На ней светлые облегающие джинсы, сапоги с леопардовым принтом и цветастое пальто. Должно быть, какой-то автомобилист только что обрызгал ее водой, потому что она яростно пытается стереть несколько темных пятнышек со своих джинсов.

– Рози! Здравствуй!

Игнорируя надсадно гудящие машины, я пересекаю проезжую часть, и мы заключаем друг друга в крепкие объятия. После чего немедленно устремляемся ко входу в метро.

– Ну и погодка! – стонет Рози, когда мы спускаемся по лестницам вниз на станцию «Хёторге». – Одна радость – что будет пармезан на обед!

* * *

Полчаса спустя мы с Рози проходим регистрацию участников фестиваля на входе «Оперной террасы», вешаем нашу верхнюю одежду, после чего каждая из нас получает по буклету в руки. Большие окна выставочного зала равнодушно взирают на стокгольмский поток из людей и машин. В Стокгольме уже третий год подряд проводится фестиваль сыра, рассчитанный прежде всего на рестораны и магазины деликатесов, но журналисты здесь тоже желанные гости.

И действительно, еще даже не видя сыра, мы уже можем обонять его. На стене красуется шутивная надпись: «*Чувствительные носы, просим удалиться!*» Я смеюсь, когда Рози закатывает глаза.

– У меня не чувствительный нос, – заявляет она. – Сыр – благодать божья! Как же мне повезло, что я познакомилась с тобой, Силла. Ты просто мой эксклюзивный VIP-сервис.

– Ты мне льстишь, Рози. Сама я почти никогда не бывала на подобных мероприятиях. Зато теперь у меня есть с кем ходить!

По правде говоря, я до сих пор продолжаю получать довольно много приглашений на выставки. Должно быть, мои координаты остались в агентствах СМИ еще с тех времен, когда я работала журналистом в «Шансе». Большинство из них, скорее всего, даже понятия не имеют о том, что отныне я являюсь криминальным репортером. Иначе бы количество приглашений на мероприятия резко уменьшилось. Осталась бы только весенняя выставка пластиковых пакетов для мусора Класа Ольсона.

– Обещаю возместить тебе этот вечер, – заверяет меня Рози.

– Вот уж не стоит, тебе не за что меня благодарить!

– Но мне все равно хочется. И, кстати, я уже приготовила один маленький сюрприз...

И она театрально изгибает одну бровь. Кто бы мог подумать, что пенсионерка может выглядеть такой хулиганкой.

– Правда? – восклицаю я. – Звучит захватывающе.

– Еще как! Но об этом позже. А сейчас – вперед!

Все гости фестиваля получают по тарелке с целой пригорюшкой зубочисток, после чего мы, протискиваясь, принимаемся перемещаться от прилавка к прилавку и пробовать то, что кажется нам привлекательным. Производитель из долины Луары дает попробовать мне и Рози козий сыр, и он оказывается настолько вкусным, что мы стоим и пробуем его минут двадцать. Уверена, Закке позеленеет от зависти, если узнает, где я сегодня была. После вина из долины Луары больше всего он любит сыр из долины Луары. Наверное, будет лучше промолчать и ничего ему не рассказывать. Не хочу, чтобы он решил, что наши с ним дружеские отношения находятся под угрозой из-за появления у меня подруги-пенсионерки.

Спустя примерно два часа нам удалось обойти все прилавки. Мы отведали бри Эскильстуна, сыр с плесенью из Германии и слопали так много Бриллата Саварин, что еще чуть-чуть,

и сами бы заблеяли, как козы. Время приближалось к трем часам пополудни, и свет за окнами постепенно угасал, напоминая, что снаружи осень. С каждым днем солнце все меньше одаривает людей в больших городах своей мимолетной дружбой.

Большинство посетителей выставки уже похватили свои сумки с образцами продукции (где лежало еще больше сыра) и отправились по домам, и мы с Розы остались почти самые последние.

– Что скажешь? – спросила она. – Наелись мы сыра или еще нет?

– Я никогда не смогу наестся сыром. С моими запросами мне давно пора иметь дома свою собственную сыроварню. Но когда-то все же нужно сказать себе «стоп».

– Согласна. Но теперь у меня пересохло в горле...

Я улыбнулась:

– Что же ты предлагаешь?

– Не знаю. Ты сейчас как, сильно занята?

– Как раз получила новое задание. Собиралась заняться им после сыра.

– А, понятно. Ты же у нас работающая женщина. Иногда я напрочь забываю о том, что не все вокруг пенсионеры, как я.

– Хотя... я ведь фрилансер. А сегодня пятница.

Розы оживилась.

– Тебе больше не нужно ничего говорить. Пойду заберу наши куртки!

Глава седьмая

Мы решили посидеть в баре на Бернс Азиатиска.

Поскольку вечер еще настолько ранний, что его едва ли можно назвать вечером, народу в баре совсем немного. Только я, Роза, несколько барменов и свет от уличных фонарей, которые, сверкая, отражаются в лужах парка Берцелии.

Роза берет себе бокал домашнего красного, а я – бокал маслянистого шардоне из Аргентины.

Мы чокаемся и с наслаждением делаем по первому глотку.

– Мм, – щурит от удовольствия глаза Роза, – идеально для подачи к сыру!

– Согласна. Вино и сыр – благодать божья.

– Да, к сожалению. Потому что стоит выйти на пенсию, оглянуться не успеешь, как уже сам постепенно превращаешься в буррату. Мне снова нужно заниматься скандинавской ходьбой. Но давай не будем говорить о занятиях спортом – это так тоскливо. Расскажи лучше о «Кровавом следе»! Как там у тебя дела?

Я рассмеялась:

– Ну что сказать, дела идут неплохо. Пусть даже некоторые случаи, о которых я пишу, несколько *жутковаты*, все равно это ужасно захватывающе.

– Понимаю. Но ты привыкнешь. Я же привыкла.

– Хотя я лишь пишу о них. Ты же *была* полицейским, Роза. О боже, ты же непосредственно сталкивалась с подобными вещами!

– Было дело, но чаще это были кражи со взломом и прочая рутина. Мне нечасто давали заниматься убийствами.

– Но все же иногда давали?

Я с любопытством поднимаю брови, и Роза, кивнув, делает еще глоток вина.

– Время от времени, да.

Роза смотрит в окно, и я чувствую, что она хочет сменить тему. Она часто замыкается в себе, когда мы заговариваем о ее карьере полицейского. Быть может, в прошлом ей пришлось иметь дело с чем-то таким, что до сих пор бередит ей душу.

– Ладно, оставим «Кровавый след», – сказала Роза. – Как обстоят у тебя дела с личной жизнью?

И она лукаво поглядела на меня, чуть хрипло пофыркивая от едва сдерживаемого смеха.

– В смысле, как обстоят у меня дела с твоим сыном?

– По всей видимости, да.

Я кивнула. И ненадолго задумалась над тем, как бы мне лучше выразиться. Тот факт, что моя новая лучшая подруга Роза по совместительству является мамой Адама, выглядит по меньшей мере странно. Но на деле все не так страшно, как можно подумать. С Розой у меня никаких проблем. Скорее наоборот. С ней я начинаю проще и веселее смотреть на мир. И потом без Розы я бы никогда не познакомилась с Адамом. Ведь именно она представила нас друг другу тем теплым летним утром всего несколько месяцев назад.

Да-да, именно так. *Несколько месяцев назад.*

На самом деле прошло много месяцев.

Лето ушло, испарилось без следа, холод и мрак прокрались в нашу жизнь, и мы с Адамом... Мы с Адамом...

– Честно говоря, не знаю, – ответила я. – Я не знаю, как обстоят у нас дела.

Роза склонила голову набок и пристально посмотрела на меня.

– Он что-нибудь говорил? – спросила я.

– Кто, Адам? О тебе? Нет, он чересчур тактичен в подобных вопросах. А сама я о таком не спрашиваю.

Я с сомнением поглядела на нее.

– Ну ладно-ладно, если бы даже я и спросила, все равно не получила бы толкового ответа.

Я улыбнулась. По крайней мере Адам ничего не рассказал своей матери, и это обнадеживает.

– Но ведь вы продолжаете встречаться, разве нет?

– Я... думаю, что да.

– *Думаешь?* Разве ты не получила официального документа на этот счет? Или подтверждения через систему мобильных платежей? Ты смотри, такие вещи всегда нужно требовать.

Я рассмеялась.

– На данный момент все немного неясно, – наконец призналась я. – И, эээ... тебе, должно быть, странно слышать такое?

Но Розы только руками замахала.

– Вовсе нет! Если бы я не дружила с людьми, с которыми Адам ходит на свидания, у меня бы вообще не было никакого общения.

– Спасибо, звучит обнадеживающе.

Лицо Розы расплылось в ухмылке. И ведь она права. Адам, судя по всему, не испытывал в своей жизни недостатка в женщинах. Никогда.

– Ты ведь не боишься, что он встречается с другой?

– Нет, вовсе нет. Или все же... Нет, не думаю, что боюсь. Я просто...

Я замолчала. Это еще вопрос, что я там на самом деле думаю. Я знаю, что мысли о нем почти ни на минуту не выходят у меня из головы. Знаю, что у меня радостно ёкает в животе, когда я получаю от него эсэмэску. Знаю, что вместе с ним мне всегда хочется смеяться. И та совместная ночь оказалась совершенно фантастической...

Я кашлянула и осторожно посмотрела на Розы:

– Все дело в том, что я не знаю, насколько сильно на самом деле я интересна Адаму.

Розы наморщила лоб.

– Не знаешь? По мне, так он абсолютно очарован тобой.

– Думаешь?

– Да, я так думаю, Силла. Уж поверь мне, я прожила долгую жизнь. Мне скоро сто лет стукнет. Я вижу, когда человек влюблен. Тем более если речь идет о моем собственном сыне.

– Тогда почему мы не можем встречаться чаще? Почему он никогда не приглашает меня к себе домой? Почему...

– Почему вы не заходите дальше?

– Именно!

Тут бармен покосился в мою сторону, и я поняла, что повысила голос. Сделав глоток шардоне, я вздохнула.

– Я понимаю, что это может быть немного неприятно, – сказала Розы. – Несмотря на все свое обаяние, Адам порой бывает весьма трудным типом. Он живет своей работой. Он предан ей душой и телом. Но я знаю, что он любит тебя. Поэтому...

– Поэтому что?

– Держись!

Я рассмеялась:

– Держаться? Ты говоришь о нем как о чем-то постороннем. словно речь идет о частичном возврате уплаченных налогов.

– Хм, пожалуй. А теперь пей свое вино и перестань переживать. Настало время для моего сюрприза!

– Розы, тебе вовсе не нужно...

– Сейчас же замолчи! Не лишай старушку маленькой радости. К тому же ты этого достойна.

Я смотрю, как она берет свою сумочку, водружает ее на стол и достает из нее нечто похожее на брошюру.

Щелчком пальца Розы переправляет брошюру на мою половину столика. Я гляжу на нее во все глаза, после чего поднимаю взгляд на Рози:

– Что это?

– Мой сюрприз!

Я рассматриваю гляцевую обложку брошюры, на которой изображена красивая бело-снежная усадьба рядом с темно-синим морем. Над фотографией поблескивают тисненные золотом буквы: «ОТКРЫТИЕ: новый роскошный спа-отель на Буллхольмене – «Вилла «Морская жемчужина»!»

Я принимаюсь листать маленькую брошюрку и вскоре понимаю, что речь идет о новом комплексе для отдыха и конференций. На Буллхольмене, в моем крохотном оазисе в Стокгольмских шхерах, где находятся наши с Рози садовые участки.

– Ну, надо же! На Буллхольмене! Открылся спа-отель! Вот это да!

– Правда здорово? На самом деле еще задолго до того, как я приехала на этот остров, в этом здании в восьмидесятые годы размещался ветхий пансионат. Но потом его закрыли, и с тех пор оно просто стояло и медленно приходило в упадок. Но несколько лет назад землю под ним выкупил какой-то бизнесмен, не побоявшийся вложить деньги в эту авантюру. И вот теперь здесь снова отель.

– Там же вокруг просто восхитительная природа. Но где именно на острове он находится?

– Идешь по тропинке до церкви и потом еще немного.

– Кажется, я еще никогда так далеко не забиралась.

– Да, и теперь пришло время это сделать. Точнее, в следующие выходные.

Я во все глаза уставилась на Рози. Но она лишь ухмыльнулась и сделала еще глоток красного вина. После чего принялась барабанить пальцами по столешнице.

– Черт, нужно было заказать орешков. После вина чувствуешь зверский голод.

– Но, Рози... что ты хочешь этим сказать?

– В следующие выходные ты и я – на вилле «Морская жемчужина»! Три ночи, все завтраки, обеды и ужины включены в стоимость пребывания – и свободный доступ к спа-процедурам! С четверга по воскресенье.

– Но... но... я не могу...

– Еще как можешь! Тебе нужно только улыбнуться и сказать спасибо.

– Но разве у тебя есть на это средства?

– Ха-ха! Шутишь, что ли? Я полицейский на пенсии, у меня едва хватит средств на то, чтобы взять добавку в «Макдоналдсе». Я выиграла конкурс!

– Чего?

– Вот именно! Я наткнулась на их страничку в Фейсбуке, где они проводили конкурс. Нужно было чего-то там зарифмовать или что-то в этом роде, а мне, сидя дома, все равно нечем заняться. Я взяла себе пивка, покумекала малость, ну и кое-что слепила. А на следующий день получила по электронной почте письмо!

– Э, здорово... А ты уверена, что оно не от какого-нибудь принца из Нигерии?

Рози довольно причмокнула:

– Не забывай, я была полицейским.

Я разразилась смехом:

– Ладно, прости.

– Так вот, на следующей неделе. С четверга по воскресенье! Что скажешь?

– Но... ты уверена, что хочешь взять с собой именно меня?

– А кого еще, по-твоему, я должна брать? Кого-нибудь из своих подружек-старух? Они только и будут, что жаловаться на сырость, поскальзываться на кафельных плитках и ломать себе шейку бедра и при этом стараться вести себя как подобает приличным дамам. Нетушки, я хочу поехать с тобой! И больше ни с кем. Так что перестань сомневаться и просто скажи «да»!

В голове закружился вихрь мыслей. Крайний срок сдачи материала о Лайле Дамм – в понедельник. И кто знает, о скольких делах мне еще предстоит написать на следующей неделе? С другой стороны – выходные в спа-отеле! Бассейн с подогревом, отдых, вкусная еда, болтовня с Розы. Разве можно ответить отказом на подобное предложение? И потом, это весьма кстати. Возможно, мне будет полезно отвлечься на несколько дней, чтобы подумать о чем-то еще, кроме как о работе. И Адаме.

Я почувствовала, как мое лицо расплывается в широкой улыбке.

– Идет. Я согласна. Да!

– Ура! До чего же я рада. Выпьем за это! И давай закажем еще по бокальчику. А то я даже наполовину не захмелела.

Глава восьмая

Портраш, Северная Ирландия

Элла сидит на кухне своих покойных родителей.

Стрелки часов приближаются к полуночи. Патрик уже лег спать, но у Эллы, даже несмотря на весь выпитый ею шабли, сна до сих пор ни в одном глазу. Обычно, чтобы заснуть, ей хватало и половины бокала шампанского, но в Северной Ирландии правила, судя по всему, изменились.

Мелкий дождик стучит по жестяному скату под окном. Улица пуста, и бледный свет фонарей отражается в мокром асфальте.

Она заварила себе большую кружку чая и теперь пьет обжигающий напиток крохотными глотками. Элла не любит чай, никогда не любила. Зачем она вообще налила эту кружку? Наверное, только потому, что она находится в Северной Ирландии, а здесь все *должны* пить чай. Это так же естественно, как... Ну как кока-кола в Соединенных Штатах или бокал вина за обедом в Италии. Вино. Может, *хоть это* поможет ей уснуть? Еще немного алкоголя.

Она встает из-за стола и принимается рыться в кухонных шкафчиках. Сами Патрик с Эллой ничего с собой не купили, но вдруг у мамы остались какие-нибудь запасы? Да уж, если кто любил запасаться, так это мама Эллы. Впрочем, может, именно поэтому здесь так пусто? Может, она успела все выпить, прежде чем болезнь забрала ее?..

За упаковкой таблеток для пищеварения Элла обнаруживает бутылку спиртного. Ром, кажется, или что-то в этом роде. Часть этикетки отсутствует, но, судя по сохранившемуся обрывку, крепость напитка – тридцать процентов. Она достает бутылку из шкафчика и наливает себе полбокала, берет наполовину пустую бутылку кока-колы, которую Патрик купил в аэропорту, и доликает бокал со спиртным до краев. Делает несколько больших глотков и морщится. Слишком крепко и слишком сладко, но сегодня вечером Элле именно это и нужно. Вкус – ерунда, главное – опьянеть и забыться сном.

Один раз еще ничего. Два – уже привычка.

Элла никогда не напивалась. Время от времени парочка бокалов вина за ужином, но не более. И пусть даже сейчас она скорбит по матери, но Элла твердо решила не становиться такой, как она. Никогда.

На самом деле Элла не знает, почему ее мать так часто прикладывалась к бутылке. Просто она постоянно так делала... Сколько Элла помнит, по вечерам у матери в руке всегда был бокал. Она никогда не становилась агрессивной, не раздражалась пьяными слезами, ее не тошнило на глазах у семьи, но пила она постоянно. Всегда. Возможно, чтобы что-то заглушить, от чего-то убежать, что-то забыть. Ведь, собственно, для этого люди и пьют, верно?

Элла снова опускается за стол и делает еще несколько глотков. Берет мобильный телефон и проверяет почту. Несколько сотен непрочитанных писем. Все никак руки не дойдут с ними разобраться. С тех пор, как мамы не стало, прошел месяц, и все это время у нее не было сил отвечать на чьи-либо письма. Когда ей звонит агент, она какое-то время разговаривает с ним, в основном чтобы он знал, что она жива. Но в остальном она старается держаться подальше от телефона. Она нуждается в этой паузе, в этих спокойных неделях.

И все же темы писем в папке «Входящие» заставляют ее занервничать.

*Интервью для Онгестподдена?*³

Тебе пишет твой самый большой поклонник! ПОЖАЛУЙСТА, ОТВЕТЬ!!

Обложка для «Воскресного Экспресса» – СРОЧНО

³ Подкаст о психологических проблемах.

Элла не может удержаться от фырканья. Ее мама только что скончалась, а «Воскресный Экспресс» уже хочет, чтобы она улыбалась с обложки их приложения. Той самой неприятной улыбкой, которая всегда бывает у знаменитостей в подобных изданиях. Совершенно ненатуральный оскал. А под ним броский заголовок: «Я победила рак костей с помощью черники и медитации!»

Единственный, кто ей не звонит и не пишет с тех пор, как они с Патриком приехали сюда, и кого Элла больше всего хотела бы услышать, это ее сестра. Если бы сестра согласилась помочь, то Элле не пришлось бы ехать сюда самой и справляться со всем самостоятельно. Разгребать тот беспорядок, который оставила после себя их мама. Они могли бы взяться за дело вместе, и тогда все оказалось бы куда проще. Но сестра Эллы придерживается иного мнения. Несмотря на то что они родились почти одновременно, сестра всегда вела себя так, словно она самая младшая в семье. Ранимая особа, у которой все чувства наружу, словно едва подсыхающая корка на кровоточащей ране. Которой постоянно требуется помощь и поддержка. *Я не справлюсь*, прохныкала она, когда Элла попросила ее отправиться вместе с ней в Портраш. *Мне очень жаль. Я охотно оплачу твою поездку, Элла. Я вообще готова все оплатить! Но поехать туда сама я не смогу.* Бог ты мой! Как будто все дело в деньгах. Вместо этого Патрику пришлось брать отпуск на работе и ехать с ней. Как обычно.

Элла уже несколько недель не разговаривает со своей сестрой.

Один лишь агент и представители массмедиа докучают ей своими звонками.

Порой на Эллу что-то такое находит, и она вдруг понимает, какой сумасшедшей стала ее жизнь.

Как быстро и неожиданно все завертелось.

Прошло пять лет с тех пор, как она окончила Театральную школу в Гётеборге и вернулась обратно домой в Стокгольм. Даже просто поступить туда было подвигом. Спустя несколько лет метаний, когда она разрывалась между дневной подработкой в супермаркете «ИКА» и вечерними курсами по сценическому мастерству, Элла поступила в Театральную школу. И окончила ее. Вышла из нее с верой в то, что она действительно способна играть на сцене.

Первые два года были очень хаотичными. Она снималась в рекламе, довольствовалась эпизодами в фильмах про комиссара полиции Мартина Бека и крохотными ролями в сомнительных постановках мелких частных театров. Но с тех пор минуло уже три года. Она помнит тот день, как будто он был вчера, – когда ей позвонил агент и рассказал, что SVT⁴ собирается спонсировать новый большой проект. Трагикомедия о группе людей, которые работают в одном торговом центре под названием «Галерея», но в разных бутиках. Эллу хотели попробовать на роль Сигрид, веселой жизнерадостной болтушки из магазина одежды. Ей понравился сценарий, и пробы прошли хорошо. Но она никогда не думала, что «Галерея» возымеет столь колоссальный успех у зрителя. Внезапно все узнали, кто она такая, и теперь даже чашечку капучино она не могла купить без того, чтобы кто-нибудь на нее не посмотрел. Узнал ее. Улыбнулся ей.

Потом Элле дали главную роль в большой рождественской комедии «Ищу дом», после чего предложения посыпались на нее как из рога изобилия. Она действительно преодолела все препятствия и добилась успеха. Отныне она не испытывала недостатка ни в деньгах, ни в творчестве.

И все же... все же странно, как быстро сменились приоритеты. Ее агент все так же часто названивает ей и с таким же придыханием сообщает о работе в рекламе, словно это роль в кино. И ладно, если бы речь шла о телевизионной рекламе, после которой ей действительно есть чем гордиться. Так ведь нет, какие-то совершенно посторонние вещи, которые даже не связаны с актерством. Журнал «Амелия» хочет, чтобы Элла начала вести блог на их домашней странице. Канал TV3 изъявляет желание снять документальный фильм об их с Патриком

⁴ Шведская общественная телевизионная корпорация.

повседневной жизни в Стокгольме. Каждый день она получает по пять запросов об участии в подкастах, а журнал «Веган» изъявил желание сделать ее своим официальным представителем только потому, что в одном из своих интервью она случайно упомянула, что обожает авокадо.

Временами Элла чувствует, что вся ее жизнь, по сути, это одна сплошная работа. А не только актерство.

Она не получает удовольствия от созерцания собственного лица на обложках журналов. Интервью для подкастов отнимают у нее время, которое она могла бы с пользой потратить на другие дела. И она бы не выдержала, если бы за ней и Патриком по пятам круглосуточно ходила съемочная группа. А еще, несмотря на всю свою любовь к авокадо, она вовсе не вегетарианка. Да-да!

Элла выходит из почты и кладет мобильный на стол. Делает еще один глоток чересчур сладкого напитка. На столе перед ней высится штабель картонных коробок. Она искоса поглядывает на сделанные от руки подписи на них. *Одежда. Занавески. Фотографии.* Почерк мамин. Это ее коробки.

Элла придвигает к себе ту, которая помечена «Фотографии». Снимает пыльную крышку и опускает взгляд в темные недра картонки.

Чего там только нет, начиная от толстых фотоальбомов в красных переплетах и заканчивая пластиковыми файлами с еще не отсортированными фотокарточками.

Она достает один из таких файлов, быстро пролистывает снимки. Смотрит на себя маленькую. Улыбается своим воспоминаниям. У нее было хорошее детство. Сравнительно *спокойное*, без травмирующих психику моментов. Идиллическим его, конечно, не назовешь – в нем не было ни качелей на яблоне, ни каникул у бабушки в деревне, ни больших шумных застолий, но и сказать, что ее родители где-то серьезно оплошали, у Эллы тоже язык не поворачивается.

На одном из снимков Элла сидит в семейной ярко-зеленой ванне в их доме в Швеции. Маленькая девочка заливается смехом в окружении мыльных пузырей. На другом снимке – мама в платье с коричневым узором. Выющиеся волосы, в руке – бокал красного вина.

Элла чувствует, как ее глаза начинают наполняться слезами, и решает убрать все снимки обратно в коробку.

У нее пока что недостаточно сил для таких вещей.

Собравшись было накрыть коробку крышкой, Элла вдруг замечает внутри маленький бежевый конверт.

Она достает его и взвешивает в руке. Должно быть, в нем не так много фотографий, потому что по весу конверт довольно легкий.

Элла открывает его и высыпает снимки на стол. Снимки и... вырезки из газет. Черно-белые вырезки, взятые, кажется, из каких-то вечерних изданий. Какое-то время Элла в задумчивости смотрит на них.

Она не знает, что ожидала найти в этом конверте. Скорее всего, еще больше снимков себя самой.

Но среди вырезок на столе лежат три фотографии трех разных женщин. Снимки на вид старые, сделанные, судя по прическам, еще в восьмидесятые годы. При взгляде на их лица Элле пронизывает неприятная дрожь вдоль позвоночника.

Что-то здесь не так.

Элла делает большой глоток коктейля. Одна из женщин кажется ей очень знакомой. Просто до жути. Но как такое возможно? Теперь, хорошенько рассмотрев снимки, Элла понимает, что перед ней вовсе не три разные женщины. Это все один и тот же человек – просто заснятый в разное время.

Больше Элла не успевает ничего подумать. Нечто заставляет ее кровь застыть в жилах.

Она бросает взгляд на залитую дождем улицу перед домом.

И видит, что за окном стоит какой-то человек.

Глава девятая

Осенний воздух кажется непривычно свежим и бодрящим, когда я бреду по булыжным мостовым Остермальма, возвращаясь из «Бернса». Мы с Розы пропустили по два бокальчика, и теперь я чувствую настоящую необходимость чем-нибудь их закусить. Очень надеюсь, что Закке уже дома и прямо сейчас готовит что-нибудь вкусненькое.

Выходные в шхерах. С Розы. Совершенно бесплатно. Что может быть лучше? Да еще спа-процедуры. В последний раз я ходила на спа-процедуры, когда еще жила с Данне. Вроде как считается в порядке вещей посещать подобные места, когда ты состоишь с кем-то в отношениях. Чокаться шампанским в махровых халатах, погружаться в побулькивающее джакузи и целоваться под звездами.

Все то же самое мне предстоит делать в компании Розы. За исключением поцелуев, конечно.

Но не успела я добраться даже до Остермальмской площади, как у меня в кармане куртки завибрировал телефон. Обнаружив на дисплее номер Антонии Фьорелли, я моментально протрезвела.

На помощь!

– Силла Сторм.

– Привет, Силла, *дорогая*, все хорошо?

– Все...

– Приятно слышать. Слушай, у меня есть одна вещь, которую я должна тебе поручить.

– Здорово. Какое-нибудь новое дело?

– Не совсем. Я тут немного поболтала с девчонками из «Кровавого следа» – они просто АБАжают пропавших женщин, ты же знаешь, но, по их мнению, Лайла Дамм это... хм, как бы получше выразиться?.. Не модно, вот!

– Не модно?

– Ага. Совсем.

Трудно быть модным, когда ты исчез тридцать лет назад, думаю я, но Антонии решаю этого не говорить.

– Случай, конечно, прискорбный. Она пропала, никто до сих пор понятия не имеет куда, семья так никогда и не узнала, что с ней случилось, и прочее, и прочее, но мне трудно отыскать в ее случае УТП.

УТП – самый важный показатель в журналистском мире, это мне давно известно. Расшифровывается как «уникальное торговое предложение». Очевидно, одной нераскрытой тайны недостаточно. По мнению Антонии, делу требуется что-то еще. Вот если бы Лайла была всюду сущей нос репортеркой и откопала бы что-нибудь серьезное до того, как ее убили, – то это придало бы делу дополнительную уникальность. А еще лучше, если бы Лайла была замужем за знаменитой персоной, у которой обнаружилась бы склонность к жестокости. Тогда бы дело оказалось настолько уникальным, что Антония Фьорелли не задумываясь продала бы свою почку за кассету с уликами. Пусть даже я много раз сомневалась, есть ли у нее внутри вообще какие-либо органы.

– То есть... я должна совершенно вычеркнуть Лайлу? – разочарованно протянула я.

– Не совсем. Может, стоит приберечь ее для следующего выпуска? Никогда ведь не знаешь, как все повернется, но я хочу, чтобы к следующей неделе ты подготовила материал по совершенно новому делу. Юнас Вилкинс!

– Агась...

Знаю я, кто такой этот Юнас Вилкинс. Король криминального мира. Стоял за многими крупными банковскими ограблениями, ныне сидит за решеткой, но его имя до сих пор не

сходит с уст толпы. Тот факт, что он красив, вызывает еще больший интерес к нему – те, кто от него без ума, хотят знать все. Но я не из их числа. Мне нравятся *тайны*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.